
АКАДЕМИЧЕСКИЕ И НАУКОМЕТРИЧЕСКИЕ РЕЙТИНГИ В ПРОЦЕССЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИМПЛИКАЦИИ

В.Г. Иванов, М.Г. Иванова

Кафедра сравнительной политологии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье анализируются актуальные социально-политические импликации современного процесса широкого признания и распространения глобальных академических и наукометрических рейтингов, а также их влияния на государственную политику в образовательной и научной сферах в Российской Федерации. Авторами предложено понятие «рейтинговой силы» («charts power») как значимого компонента «мягкой силы» государств и международных институтов. Сделан вывод о том, что получившие широкое распространение глобальные академические и наукометрические рейтинги могут использоваться в качестве экономического оружия и инструмента внешнеполитического влияния. В статье рассматриваются ведущие академические рейтинги (Шанхайский академический рейтинг университетов мира, Индекс Times Higher Education и QS World University Rankings), а также ключевые наукометрические индексы (Web of Science и Scopus). Авторами делается вывод об актуализации фактических и потенциальных угроз национальной безопасности России со стороны рейтинговой силы других стран и предложены рекомендации для ослабления указанных вызовов. Одним из средств решения данной задачи представляется создание и популяризация (а также постепенная транснационализация) сравнительного индекса доверия к популярным межстрановым рейтингам, в том числе и академическим.

Ключевые слова: академические рейтинги; наукометрические индексы; мягкая сила; рейтинговая власть; молодежь; социально-политическая стабильность; национальная безопасность.

В последние десятилетия в мире происходит своего рода «рейтинговая революция»: создание, стремительное распространение и постепенная легитимизация многочисленных сравнительных индексов, оценивающих и сопоставляющих разные страны по огромному числу критериев: уровню политической стабильности, свободы слова, миролюбия, привлекательности и т.д. Опираясь на определение индекса, данное О.В. Поповой («относительные величины, количественно характеризующие динамику совокупности, состоящей из непосредственно несоизмеримых единиц, или части такой совокупности» [14. С. 271]), в понимании рейтинга мы обращаемся к трактовке М.Г. Миронюка («рейтинг как ранжирование объектов на основе комплексного индексирования») [10. С. 15—16].

Большинство межстрановых индексов создается на основе научной или (преимущественно) наукообразной методологии: по этому критерию их можно условно разделить на «индексы восприятия» (базирующиеся на методе экспертной оценки), «объективные индексы» (опирающиеся на сбор данных и их статистический анализ), а также «смешанные», в разных пропорциях сочетающие в себе черты обоих вышеуказанных типов. Данные рейтинги следует отличать от страновой статистики, так как они обычно имеют синтетический характер, объединяя целый ряд переменных, не обязательно коррелирующих в реальности. Как правило, чем сложнее

и абстрактнее рейтинг, чем шире в нем используются качественные методы, тем больше в нем доля спекулятивной и, возможно, идеологической составляющей. Как утверждает О.В. Попова, это связано с терминологической ошибкой, распространенной среди исследователей, занимающихся качественными исследованиями, особенно в компаративистской перспективе: «измерение» они отождествляют с «оценкой», что неверно [14].

Рейтинговые организации радикально упрощают многообразие и сложность реальных процессов, предлагая своим потребителям схематичную и упорядоченную картину рассматриваемой области. При этом они, как правило, стараются представляться независимыми, демонстративно дистанцируясь от национальных правительств и корпораций. В последние годы обращение к рейтинговым оценкам отчетливо форсируется, из удобного инструмента они превращаются в своеобразный довлеющий институт. Отсылки к популярным рейтингам закрепились и в публичном политическом дискурсе, они нередко звучат при критике и оценке правительств, задача повышения позиции страны в определенном рейтинге может заявляться в качестве ориентира государственной политики. В среде экспертного сообщества и СМИ формируется даже особое «рейтинговое мышление», основанное на безоговорочном доверии к сравнительным индексам как удобным, признанным и достоверным инструментам изучения и интерпретации не только экономической, но и социальной реальности.

Возник значительный рейтинговый рынок, который практически с самого своего возникновения оказался монополизирован. Обращает на себя внимание тот факт, что процесс «рейтинговой революции» был инициирован и активно продвигается западными государствами, а также тесно аффилированными с ними международными организациями, компаниями и НКО.

Не будет преувеличением утверждение, что ключевую роль в создании и внедрении глобальной «рейтинговой инфраструктуры» играют США, именно там расположены наиболее известные рейтинговые институты и организации, многие из которых контролируются, а то и напрямую финансируются американским правительством.

Возможность повысить или понизить место страны, компании или университета в некоей умозрительной классификации, подкрепленной авторитетом американского правительства, университета, влиятельной международной организации, а то и просто отсылкой к «здравому смыслу» или «мнениям экспертов» становится формой реальной власти. Оправдано говорить о становлении и постепенной институционализации новой формы глобальной власти, которую можно назвать «властью (силой) рейтингов» или «charts power» («index power»). Данный тип власти можно отнести к разновидности «мягкой силы» в терминологии Дж. Ная [12] или «власти мониторинга» Дж. Келли и Б. Симмонс [20].

Особую роль в «charts power» играют академические рейтинги (в первую очередь университетские и индексы цитирования), создающие иллюзию тотального превосходства американской системы образования и создаваемого ею знания.

Наиболее одиозным академическим сравнительным индексом является Шанхайский академический рейтинг университетов мира (ARWU). Методология

расчета рейтинга поражает своей простотой и примитивизмом: все индексы составляются «не вставая из-за компьютера», на основе пяти критериев, таких, как врученные сотрудникам университетов премии Нобеля, Филдса и Тьюринга, а также публикации и цитирования в американских научных журналах [21]. Все материалы для сопоставления университетов из разных стран берутся из пяти источников и баз данных (<http://www.nobelprize.org>; <http://www.mathunion.org/index.php?id=prizewinners>; <http://awards.acm.org>; <http://www.highlycited.com>; <http://www.webofknowledge.com>), 3 из которых — американские. 20% от общего балла университета определяется количеством статей, опубликованных лишь в двух американских журналах: «Nature» и «Science» [15. С. 156].

Такой подход нередко приводит к выводам, не имеющим должного эмпирического обоснования и, как следствие, слабо связанным с реальностью. Например, согласно последнему шанхайскому рейтингу университетов мира, в разделе «математика» МГУ уступает 16 позиций саудовскому Университету короля Абдулазиза [19]. Или, например, лондонский рейтинг World University Rankings 2014—2015 не включил Российский университет дружбы народов в список 100 наиболее интернациональных университетов мира, зато заполнил его второразрядными британскими вузами [23].

Источниковая база World University Rankings не только крайне бедна, но и порой может вызывать устойчивые ассоциации с политической пропагандой времен холодной войны. Если зайти на сайт создателей данного рейтинга Times Higher Education и ввести в строке поиска Peoples' Friendship University of Russia (РУДН), мы не увидим никакой содержательной информации — только десяток сомнительных англоязычных статей разных лет, «понадерганных» из различных источников, с «говорящими» заголовками, наподобие: «Борьба с аппаратчиками», «Вездесущий мыслитель, поддерживавший сталинизм», «Борцы за политические перемены», «Кремль предоставил университеты своей судьбе» и т.п.

То, что Шанхайский рейтинг был создан в Китае, а не в Великобритании или США, не позволяет характеризовать его в полной мере как агента рейтинговой силы Китая, так как международный консультационный совет этой организации состоит исключительно из западных функционеров. Возможно, это является условием широкого признания данного рейтинга. Тем не менее, в качестве своеобразного «бонуса» составители Шанхайского рейтинга смогли улучшить имидж ряда китайских университетов, подняв их позиции в своем рейтинге.

Академические рейтинги направлены на важнейшую составляющую такого источника мягкой силы, как культура. Дж. Най пишет об этом, когда предлагает следующее определение культуры: «система общественного поведения, при помощи которой группы передают знания и ценности» [12. С. 153].

Сегодня организации, создающие академические рейтинги, стремятся получить и закрепить свой статус в международных организациях. Так, например, партнером Центра исследования мировых университетов Шанхайского университета Цзяо Тун (CWCU) является Европейский центр высшего образования при ЮНЕСКО.

В свою очередь, академические рейтинги теснейшим образом связаны с наукометрическими рейтингами и базами данных. В ведущих рейтингах университетов показатели, связанные с публикационной активностью, рассчитываемой по базе данных Web of Science, составляют от 20 до 60% от окончательного балла (исключение составляет QS World University Ranking, который опирается на данные Scopus) [15. С. 156]. Несмотря на некоторые потенциально позитивные стороны наукометрических рейтингов, подталкивающих как отдельных ученых, так и целые университеты к максимизации своих усилий (в первую очередь речь идет о постоянном давлении на исследователей для опубликования своих результатов и создания имени в науке на основе принципа «publish or perish» (т.е. «публикуйся или погибни»)) [15. С. 22], их внедрение в глобальном масштабе таит в себе немало угроз и возможностей скрытого влияния. Очевидно, что наукометрический подход не позволяет однозначно оценить качество научных публикаций, тем более подготовленных учеными из самых разных стран. Бросается в глаза превращение наукометрии, изначально задуманной как разновидность общественных благ, в высокорентабельный бизнес.

Составители наиболее распространенных наукометрических рейтингов требуют от университетов и даже правительств приспособления к своим требованиям и пытаются навязывать свои услуги. Они способствуют максимальному распространению и доминированию английского языка, подспудно сокращая долю научных публикаций на других языках.

Не имея возможности конкурировать на равных с западными учеными за возможность публикации в наиболее высокооцененных англоязычных журналах, исследователи из других стран априорно оказываются в тени своих заокеанских коллег. Монополизм в этой сфере нескольких крупнейших международных научных издательств (Elsevier, Springer, Wiley), действующих, по выражению британского исследователя Дж. Монбию, как «помещики от науки», способствует дальнейшей иерархизации инфраструктуры международной науки: «То, что происходит, — это чистой воды капитализм рантье: монополизация общественного ресурса и взвинчивание цен. Также вполне уместен термин “экономический паразитизм”. Для получения знаний, за которые мы уже заплатили, мы становимся заложниками помещиков от академии. Это не что иное, как налог на образование, удушение общественной мысли» [22].

Экономическая целесообразность существующих академических рейтингов и наукометрических систем очевидна, а что касается социальной и политической — предоставим слово Дж. Наю: «46 действующих и 165 бывших глав правительственных учреждений — выпускники учебных заведений США. Не все из 750 тысяч иностранных студентов, ежегодно приезжающих на учебу в Соединенные Штаты, становятся приверженцами этой страны, но большинство становится» [12. С. 171]. Очевидно, что западные университеты хотят забирать себе «сливки» — будущую элиту других стран. Но то, что элита отдает своих детей в элитные англо-американские учебные заведения, ведет к формированию транснациональной элиты (См.: [6]) и воспроизводству в этих странах сложившегося неравенства. Таким

образом, это фактор, указывающий скорее на закупорку социальных лифтов, чем на развитие демократии и повышение вертикальной мобильности на основе меритократических критериев.

Под разными благовидными предложениями образовательные системы незападных стран втягивают в формирующуюся глобальную систему, ведь «мягкая сила — танец, для которого нужны партнеры» [12. С. 153].

Следует отметить, что руководители университетов и чиновники разных стран принимают «подталкивания» рейтинговых и оценивающих организаций преимущественно добровольно и без каких-либо гарантий экономической отдачи. Оценки международных рейтинговых агентств могут рассматриваться руководством стран как достаточное и удобное обоснование для начала реформ и «оптимизаций» в соответствующих сферах (например, в нашей стране на них ссылались как на обоснование необходимости реформы РАН).

Абсолютизирование академических рейтингов ведет к искажению развития образования и науки за пределами ведущих западных стран и перераспределению финансовых и информационных потоков, а также способствует распространению формализма, махинаций и незитичных стандартов поведения, втягивая многие университеты и научные издания в авантюрные попытки «перехитрить» рейтинги. Как отмечает Е. Сердечнова: «Западное научное сообщество оказалось в ловушке, когда имитация научной деятельности и погоня за индексом цитирования оказывается важнее самой науки. А из всей системы сверхприбыль получают несколько крупнейших компаний, устанавливающих правила» [16].

Видимость выхолащивает содержание, а нормативно перегруженные спекулятивные схемы, разработанные, как правило, предвзятыми, материально заинтересованными и часто недобросовестными организациями, являются шатким и неадекватным основанием для восприятия реальности и принятия эффективных управленческих решений, а также активно используются для вмешательства во внутренние дела других стран и контроля за структурными процессами. Конечно, не сами рейтинги формируют новую действительность, но они являются относительно новым и эффективным инструментом воздействия на нее.

Несмотря на то, что академические и наукометрические рейтинги должны иметь целью развитие образования и иных общественных благ в глобальном масштабе, в действительности это не вполне так. Составители и популяризаторы рейтингов нередко стремятся не только продвигать определенное референтное видение социальных институтов и соответствующие им стандарты, но и дискредитировать иные системы предоставления общественных благ (образования, здравоохранения, культуры и др.) в рамках общей национальной политики мягкой силы. Так, например, некоторые составители академических рейтингов явно высокомерно и недружелюбно относятся к образовательным системам, построенным на иных принципах и основах, нежели американская и британская.

Опыт показывает, что практика ожесточенной и последовательной дискредитации конкурирующих и просто альтернативных систем науки, образования и здравоохранения является достаточно распространенной в современном мире.

Американский аналитик У. Блум показывает, что США на уровне государственной политики уже десятилетия воюют против кубинской системы здравоохранения, опасаясь ее как средства завоевания Гаваной авторитета в странах третьего мира. Для того, чтобы дискредитировать и разрушить систему здравоохранения этой страны, основанную на совершенно иных принципах, использовались такие средства, как пропагандистские кампании, противодействие продаже на Кубу медицинского оборудования и препаратов и даже программы поощрения иммиграции кубинских врачей, работающих за границей [3. С. 156—158].

Сознательно или нет, рейтинги встроены в масштабные глобалистские и универсалистские проекты, отрицающие или просто игнорирующие институциональное и цивилизационное разнообразие мира. Например, для институтов РАН просто не находится места в глобализирующейся университетской англосаксонской модели высшего образования и науки. Формирующиеся глобальные образовательная и научная системы тесно переплетены с национальными интересами ведущих западных стран, а также вынуждены ориентироваться на запросы и предпочтения крупных ТНК.

В то же время, как отмечает отечественный исследователь М.М. Мчедлова, недопустимо игнорировать «многомодусность цивилизационного ракурса современного понимания модернизации. С одной стороны, он также несет на себе отпечаток просвещенческой парадигмы, особенно в нормативной проекции линейного понимания модернизационных стратегий в соответствии с логикой “Третьей волны”. С другой стороны — все более громкими становятся голоса, настаивающие на том, что “культура имеет значение”, а цивилизационная специфика различных типов обществ накладывает отпечаток на алгоритмы изменений в обществе, социокультурную и ценностную динамику трансформаций, политический контекст изменений» [11. С. 51].

В условиях бума третичного образования в развивающихся странах объяснимо стремление ведущих западных стран сохранить свои позиции при помощи «рейтинговой власти». Рейтинги приносят экономическую отдачу: влияют на распределение финансирования на научные проекты, позволяют устанавливать более высокую стоимость образования и т.д. Но они имеют и социальное значение: позволяют легитимизировать определенные знания, школы, практики, ценности, проекты, идейные установки.

В настоящее время нет достаточных оснований для того, чтобы признать презумпцию объективности авторов рейтингов, соблюдающих принцип «аксиологического нейтралитета» несмотря на свою национальную идентичность, идеологические ориентиры и аффилированность с различными структурами. Рейтинговые организации еще не накопили достаточного социального и репутационного капитала для того, чтобы их оценки принимались на веру «по умолчанию». Даже их позиционирование в качестве агентов глобального гражданского общества, независимых и принципиально обособленных от государств и корпораций, вызывает обоснованные сомнения.

В то же время трудно не заметить, что принципы присвоения рейтингов могут нарушать важные принципы экономической свободы и прав человека. В первую

очередь речь идет о принципе коллективной ответственности и использовании двойных стандартов. Например, дипломированные специалисты умозрительно объявляются вторым или третьим сортом из-за того, что университет, в котором они учились, показался недостаточно авторитетным составителям очередного академического рейтинга [8. С. 41—42].

Вестернизация национальных систем науки и образования и их переформатирование под «глобальные стандарты» может тормозить экономическое развитие и вести к разведению потребностей рынка труда и выпуска ВУЗов, что создает потенциал социально-политической нестабильности в обществе (См.: [4—6; 13; 18]).

Таким образом, ряд без сомнения прогрессивных и положительных аспектов деятельности глобализирующейся «рейтинговой инфраструктуры» во многом нивелируются ее политизацией и врожденными изъянами, наиболее зримо проявляющимися в отношении незападных стран, вступивших на малоперспективный путь «догоняющей» модернизации. В этой связи важной и перспективной задачей является минимизация информационного и репутационного урона России со стороны рейтинговой силы других государств, зримо проявляющейся в широком распространении и по сути навязывании дискриминационных для отечественной науки академических и наукометрических рейтингов.

Авторы считают оправданным предложить рекомендации для ослабления указанных вызовов. Так, И.А. Белоусова выделяет следующие 4 возможные альтернативы повышения легитимности отдельных индексо-рейтинговых проектов: сближение нескольких индексо-рейтинговых проектов и создание определенного «суперрейтинга»; большая интеграция рейтингов и индексов с влиятельными международными и межгосударственными структурами, обладающими устойчивой репутацией; к таковым, в первую очередь, относятся подразделения и органы ООН, а также G20; реорганизация индексов и рейтингов в направлении т.н. «зонтичной структуры», когда оцениваются не все государства планеты, а лишь некоторая заранее обособленная их часть с учетом специфики регионов мира; «национализация» рейтингов и индексов, т.е. переход государств к созданию и «раскрутке» новых самостоятельных проектов, претендующих на объективность и беспристрастность [2].

Очевидно, что реализация первых двух инициатив требует налаженной кооперации на международном уровне, а также предполагает широкий диалог, в том числе между академическими сообществами разных стран. В то же время появление единого синтетического академического «суперрейтинга» представляется маловероятным как вследствие технических (разные методологии и базы данных) и экономических (ликвидация действующих бизнес-моделей рейтинговых компаний), так и политико-идеологических факторов.

Регионализация рейтингов, наоборот, видится оправданным шагом, позволяющим давать более адекватную сопоставительную оценку академическим институтам разных стран и потенциально поощрять добросовестную конкуренцию между ними. По этому пути сейчас пробуют идти, например, QS World University Rankings. Последняя альтернатива также представляется вполне оправданной,

хотя и скорее отталкивающей назад индексо-рейтинговые исследования, претендующие на глобальный охват.

Ранжирование национальных вузов, научных школ и вообще всех субъектов рынка научных исследований сегодня важно для правительств, чтобы иметь ясную картину отечественных науки и образования, более объективно определять их место в регионе и в мире.

Мы полагаем, что возник принципиальный вопрос определения критериев доверия к существующим на рынке рейтингам и ранжирования их в соответствии с этими критериями. Сегодня в мире отсутствует «рейтинг рейтингов», показывающий на основе объективных критериев, какие из сравнительных индексов заслуживают большего доверия, а какие являются инструментами политического, экономического или идеологического влияния. Одним из средств решения данной задачи представляется создание и популяризация (а также транснационализация) сравнительного индекса доверия к популярным межстрановым рейтингам, в том числе и академическим.

Наконец, не следует бездумно постулировать встраивание в существующие индексо-рейтинговые системы в качестве идеологии и приоритета развития отечественных научной и образовательной систем. Такая политика, буксовавшая и в прежние несколько лет, утратила свой смысл и стала во многом контрпродуктивной в период санкционной и информационной войны западных стран против РФ. Как отмечает Е.Н. Балацкий, «на фоне плачевного состояния многих научных организаций страны представляется во многом бессмысленной попытка силового введения передовых отечественных вузов в топ-100 глобальных рейтингов... В условиях международных санкций тратить такие средства на выполнение международных стандартов представляется не вполне оправданным. Уже сейчас можно предсказать, что все эти попытки закончатся плачевно, Запад найдет способ не пустить российские вузы в топ-листы глобальных рейтингов. Например, Московский физико-технический институт (МФТИ) получил отказ от составителя рейтинга ТНЕ (TimesHigherEducation) о включении его в основной рейтинговый список вузов в связи с тем, что он не является классическим университетом; в качестве подачи ему предоставили право котироваться в предметном рейтинговом приложении по инженерии и технологиям.

Примечательно, что в основном рейтинге ТНЕ присутствуют Массачусетский, Калифорнийский технологические институты, Цюрихский технологический институт, Федеральная технологическая школа Лозанны и т.п. Оказывается, этим технологическим побратимам МФТИ можно присутствовать в главном списке, а МФТИ — нет» [1].

Сегодня важно осознавать реальность угрозы рейтинговой силы других государств для национальной безопасности России. Это особенно актуально для таких фундаментальных сфер, как наука и образование. Таким образом, необходимо более прагматичное и критическое отношение к ведущим зарубежным академическим и наукометрическим рейтингам со стороны правительства и руководства вузов и научных учреждений, а также контроль за непродуманными инициативами институциональных преобразований на основе требований рейтинговых организаций.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Балацкий Е.Н. Бюрократы превратили российских ученых в бродячих временщиков. Вместо технологий — публикации и странные проекты // НГ-Политика. 16.06.2015. URL: http://www.ng.ru/ng_politics/2015-06-16/15_projects.html.
- [2] Белоусова И.А. Проблемы и перспективы рейтингового оценивания политической стабильности // Вестник РУДН. Серия «Политология». 2015. № 3.
- [3] Блум У. Смертоносный экспорт Америки — демократия. Правда о внешней политике США и многом другом. М.: Кучково поле, 2014.
- [4] Иванов В.Г. «Естественный уровень образования» как фактор стабильности политического режима. Часть 1 // Вестник РУДН. Серия «Политология». 2011. № 4.
- [5] Иванов В.Г. «Естественный уровень образования» как фактор стабильности политического режима. Часть 2 // Вестник РУДН. Серия «Политология». 2012. № 1.
- [6] Иванов В.Г. Кризис концепции технократии в контексте изучения постиндустриального общества // Вопросы гуманитарных наук. 2007. № 1.
- [7] Иванов В.Г. Транснациональные элиты: кто они? Концептуальное поле исследования. М.: РУДН, 2007.
- [8] Иванов В.Г., Иванова М.Г. «Charts Power» — страновые рейтинги как экономическое оружие и инструмент мягкой силы. Часть I // Вестник РУДН. Серия «Политология». 2015. № 2.
- [9] Кара-Мурза С.Г. О неэффективных вузах России // Точка.ру. 2010. № 10. URL: <http://кара-мурза.рф/node/206>.
- [10] Мельвиль А.Ю., Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю., Миронюк М.Г., Полушин Ю.А., Тимофеев И.Н. Опыт классификации стран // Политические исследования. 2006. № 5.
- [11] Мчедлова М.М. Социально-политические трансформации в России: концептуальные подходы к модернизации и ракурсы религиозного фактора // Вестник РУДН. Серия «Политология». 2014. № 4.
- [12] Най С.Дж. мл. Будущее власти. М.: АСТ, 2014.
- [13] Нарбут Н.П., Троцук И.В. Жизненные планы российской студенческой молодежи: гендерные и иные различия в оценках собственных перспектив на рынке труда // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2014. № 3.
- [14] Попова О.В. «Измерительный инструмент» в сравнительной политологии: к вопросу о нерешенных проблемах // ПОЛИТЭКС. 2009. № 1.
- [15] Руководство по наукометрии: индикаторы развития науки и технологии / Под ред. М.А. Акоева. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2014.
- [16] Сердечнова Е. Кому принадлежит российская наука. Американский гражданин Александр Шусторович монополизировал рынок научных журналов в России. URL: <http://rusplt.ru/society/komu-prinadleit-rossiyskaya-nauka-17518.html>.
- [17] Троцук И.В. Рейтинг вузов: идеология и методология составления «таблиц лиг» (зарубежная практика) // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2008. № 1.
- [18] Филиппов В.М., Пузанова Ж.В., Ларина Т.И. Россия в проекте «EUROSTUDENT-V» в контексте болонского процесса // Высшее образование в России. 2015. № 5.
- [19] Academic Ranking of World Universities in Mathematics — 2014. URL: <http://www.shanghairanking.com/SubjectMathematics2014.html>.
- [20] Kelley J.G., Simmons B.A. Politics by number: Indicators as social pressure in international relations // American Journal of Political Science. 2015. Vol. 59. № 1.
- [21] Methodology of Academic Ranking of World Universities by Subject Fields — 2014. URL: <http://www.shanghairanking.com/ARWU-SUBJECT-Methodology-2014.html#5>.
- [22] Monbiot G. The Lairds of learning. How did academic publishers acquire these feudal powers? // Monbiot.com. 29.08.2011. URL: <http://www.monbiot.com/2011/08/29/the-lairds-of-learning>.
- [23] The 100 Most International Universities in the World 2015. URL: <http://www.timeshighereducation.co.uk/news/the-100-most-international-universities-in-the-world-2015/2018125.fullarticle>.

ACADEMIC AND SCIENTOMETRIC RATINGS IN THE PROCESS OF SCIENCE AND EDUCATION GLOBALIZATION: SOCIO-POLITICAL IMPLICATIONS

V.G. Ivanov, M.G. Ivanova

Comparative Politics Chair
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The authors analyze some actual socio-political implications of the contemporary process of the broad recognition and expansion of global academic and scientometric ratings, as well as their impact on the state policy in the scientific and educational fields in the Russian Federation. The authors introduce the concept “charts power” as an important component of “soft power” of nation-states and international institutions for the most popular global academic and scientometric ratings can be used as an economic and foreign policy weapon. The article considers the leading academic ratings (Shanghai Academic Ranking of World Universities, Higher Education Index and QS World University Ranking) and the key scientometric ratings (Web of Science and Scopus). The authors believe that the charts power of other countries represents a real and potential threat for the national security of the Russian Federation, and provide some recommendations to mitigate the challenges, for instance, to create and promote (in due course internationally) a comparative index of trust to the international ratings including academic ones.

Key words: academic ratings; scientometric indices; soft power; charts power; the youth; socio-political stability; national security.

REFERENCES

- [1] *Balackij E.N.* Bjurokраты превратили российских ученых в бродячих вреншшиков. Vmesto tehnologij — publikacii i strannye proekty [Bureaucrats turned Russian scientists into vagrant temporary workers. Publications and strange projects instead of technologies]. NG-Politika. 16.06.2015. URL: http://www.ng.ru/ng_politics/2015-06-16/15_projects.html.
- [2] *Belousova I.A.* Problemy i perspektivy rejtingovogo ocenivaniya politicheskoy stabil'nosti [Problems and prospects of rating evaluation of the political stability]. *Vestnik RUDN. Serija "Politologija"*. 2015. № 3.
- [3] *Blum U.* Smertonosnyj eksport Ameriki — demokratija. Pravda o vneshnej politike SShA i mnogom drugom [American Deadly Export — Democracy. The Truth about US Foreign Policy and Much More]. M.: Kuchkovo pole, 2014.
- [4] *Ivanov V.G.* «Estestvennyj uroven' obrazovanija» kak faktor stabil'nosti politicheskogo rezhima. Chast' 1 [“The natural level of education” as a factor of political regime stability. Part 1]. *Vestnik RUDN. Serija "Politologija"*. 2011. № 4.
- [5] *Ivanov V.G.* «Estestvennyj uroven' obrazovanija» kak faktor stabil'nosti politicheskogo rezhima. Chast' 2 [“The natural level of education” as a factor of political regime stability. Part 2]. *Vestnik RUDN. Serija "Politologija"*. 2012. № 1.
- [6] *Ivanov V.G.* Krizis koncepcii tehnokratii v kontekste izuchenija postindustrial'nogo obshhestva [The crisis of the concept “technocracy” in the context of the study of postindustrial society]. *Voprosy gumanitarnyh nauk*. 2007. № 1.
- [7] *Ivanov V.G.* Transnacional'nye elity: kto oni? Konceptual'noe pole issledovanija [Transnational elites: Who are they? Conceptual field of the research]. M.: RUDN, 2007.
- [8] *Ivanov V.G., Ivanova M.G.* «Charts Power» — stranovye rejtingi kak ekonomicheskoe oruzhie i instrument mjagkoj sily. Chast' I [“Charts Power” — ratings as an economic weapon and an instrument of soft power. Part 1]. *Vestnik RUDN. Serija "Politologija"*. 2015. № 2.

- [9] *Kara-Murza S.G.* O nejeffektivnyh vuzah Rossii [Ineffective Russian universities]. *Tochka.ru*. 2010. № 10. URL: <http://kara-murza.rf/node/206>.
- [10] *Mel'vil' A.Ju., Il'in M.V., Meleshkina E.Ju., Mironjuk M.G., Polunin Ju.A., Timofeev I.N.* Opyt klassifikacii stran [An attempt of ranking countries]. *Politicheskie issledovanija*. 2006. № 5.
- [11] *Mchedlova M.M.* Social'no-politicheskie transformacii v Rossii: konceptual'nye podhody k modernizacii i rakursy religioznogo faktora [Social and political transformations in Russia: conceptual approaches to the modernization and the impact of the religious factor]. *Vestnik RUDN. Serija "Politologija"*. 2014. № 4.
- [12] *Nye S.J. Jr.* Budushhee vlasti [Future of Power]. M.: AST, 2014.
- [13] *Narbut N.P., Trotsuk I.V.* Zhiznennye plany rossijskoj studencheskoj molodezhi: gendernye i inye razlichija v ocenkah sobstvennyh perspektiv na rynke truda [Russian students' life plans: gender and other differences in the estimates of prospects in the labor market]. *Vestnik RUDN. Serija "Sociologija"*. 2014. № 3.
- [14] *Popova O.V.* «Izmeritel'nyj instrument» v sravnitel'noj politologii: k voprosu o nereshennyh problemah ["Measurement instrument" in comparative politics: Unresolved problems]. *POLITJeKS*. 2009. № 1.
- [15] Rukovodstvo po naukometrii: indikatory razvitija nauki i tehnologii [Guide on the Scientometrics: Indicators of Science and Technology Development]. Ed. M.A. Akoeva. Ekaterinburg: Izd-vo Uralskogo universiteta, 2014.
- [16] *Serdechnova E.* Komu prinadlezhit rossijskaja nauka [Who owns Russian science?]. Amerikanskij grazhdanin Aleksandr Shustorovich monopoliziroval rynek nauchnyh zhurnalov v Rossii. URL: <http://rusplt.ru/society/komu-prinadlejit-rossijskaya-nauka-17518.html>.
- [17] *Trotsuk I.V.* Rejting vuzov: ideologija i metodologija sostavlenija «tablic lig» (zarubezhnaja praktika) [Universities ranking: Ideology and methodology of making 'leagues tables']. *Vestnik RUDN. Serija «Sociologija»*. 2008. № 1.
- [18] *Filippov V.M., Puzanova Zh.V., Larina T.I.* Rossija v proekte «EUROSTUDENT-V» v kontekste bolonskogo processa [Russia in the project «EUROSTUDENT-V» in the context of the Bologna Process]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 2015. № 5.